

**К ВОПРОСУ О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ
КАК «СВЯЩЕННЫХ ВОЙНАХ»:
ОПИСАНИЕ ЧЕТВЁРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА
В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ
(НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ
«ПОВЕСТИ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА
КРЕСТОНОСЦАМИ В 1204 ГОДУ»)**

*ПАВЛОВ К. В.,
магистрант, бакалавр истории,
институт истории СПбГУ, Санкт-Петербург
e-mail: Kir2014Sch603@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается проблема восприятия четвертого крестового похода в сочинении русского современника его событий — «Повести о взятии Царьграда крестоносцами». Источник сопоставляется с аналогичными сочинениями западноевропейских хронистов. В результате анализа сочинения анонимного русского автора следует вывод о том, что его взгляд на описываемые события далек от их освещения как традиционной в отношении средневековых хронистов к крестовым походам «священной войны».

Ключевые слова: четвертый крестовый поход, крестоносцы, литература средневековой Руси, Константинополь, Бонифаций Монферратский.

**ON THE QUESTION OF THE CRUSADES
AS “HOLY WARS”: A DESCRIPTION
OF THE FOURTH CRUSADE IN RUSSIAN SOURCES
(ON THE EXAMPLE OF THE NOVGOROD
“TALE OF THE CAPTURE OF CONSTANTINOPLE
BY THE CRUSADERS IN 1204”)**

*PAVLOV K. V.,
Master’s student, Bachelor of History,
Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg
e-mail: Kir2014Sch603@gmail.com*

Abstract: The article deals with the problem of perception of the Fourth Crusade in the composition of the Russian contemporary of its events — “Tale of the capture

of Constantinople by the Crusaders". The source is compared with similar works of Western chroniclers. As a result of the analysis of the work of an anonymous Russian author, it should be concluded that his view of the events described is far from their coverage as traditional in the attitude of medieval chroniclers to the crusades of the "holy war".

Keywords: Fourth Crusade, crusaders, literature of medieval Russia, Constantinople, Boniface of Montferrat.

XIII век отечественной истории стал переломным для традиции русского историописания. В исторических сочинениях средневековой Руси в XIII веке произошло своего рода «открытие» мира, или, как отмечал академик Д. С. Лихачёв, — распространение сочинений по «всемирной истории», концептуальное содержание которых в целом можно охарактеризовать как «нравственный монументализм» [6: с. 23/27]. Причиной роста интереса к всемирной истории на Руси в данном столетии Лихачёв называет сочетание таких факторов, как интенсификация ее вовлечения в глобальный исторический процесс на фоне татаро-монгольского нашествия и соответствующая этой интенсификации необходимость осознания просвещенными русскими людьми своего места в этом процессе: «Значение литературы в исторической жизни русского народа становилось все выше, а ее отрезвляющий моральный голос звучал все увереннее... Читатели знали: это все было, и не только было, но продолжало существовать в своих последствиях... И читая, каждый думал о своем, близком, родном ему» [6: с. 22/26]. Собственно, сама книга во многом воспринималась в древнерусском обществе прежде всего в контексте священства: еще со времен Владимира Святославича православие стало «ученьем книжным», то есть основой обучения грамоте [5: с. 22]. В этой связи отнюдь не случайным обстоятельством представляется важнейшее значение, которое в самоопределении места своего народа и истории в истории мировой для русских авторов в XIII веке приобрела православная вера. По мнению итальянского историка-русиста Р. Пиккио, православие стало ключевым аспектом идентификации себя в истории для русского человека того периода [8: с. 102]. Именно поэтому, как полагает Пиккио, русские авторы XIII века все события истории, в том числе — мировой, стали связывать и соизмерять с высоким идеалом православной духовности, весьма критически относясь к любому отклонению от этого идеала: «Религиозность становится орудием морального самопознания. Проповеди XII в. еще говорят о победе христианства и распространении веры; в XIII в. они превращаются в инвективы против языческих завоевателей, побуждающие верующих сохранять единство в несчастье, утверждающие, что милосердие — залог возвращения в будущем благ, которые в настоящее время уничтожены по Божьему гневу» [8: с. 102–103]. Особенно остро с пози-

ций религиозно-моральной оценки русскими авторами воспринимались войны за пределами Руси, в том числе — в связи с ведшимся самой Русью противостоянием татаро-монгольскому нашествию. Любопытным источником на предмет такой оценки является анонимное сочинение русского автора «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» [9], освещающее события четвертого крестового похода. Какова характеристика источника?

Авторство и датировка повести доподлинно не известны. Изначально ее предполагаемым автором назывался новгородец Добрыня Ядрейкович, впоследствии положенный в сан новгородского архиепископа под именем Антоний [5: с. 8], посетивший Константинополь, по разным гипотезам историков, в 1200 г., то есть «ровно за четыре года» до прихода туда крестоносного войска [11: с. 8] либо годом позже [7: с. 2/121], и оставивший о своем путешествии в византийскую столицу обширное сочинение [1]. Точка зрения об авторстве рукописи Антонием Новгородским, или Добрыней Ядрейковичем, высказанная во второй половине XIX в. имперским историком П. Савваитовым [11: с. 8–9], однако, не была подкреплена им более значительной аргументацией, нежели ссылкой на упоминание в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина путешествия Добрыни Ядрейковича в Константинополь и возможного пребывания там же некоего безвестного нам новгородца при его взятии крестоносцами, на основании которой Савваитов предположил, что этим новгородцем мог быть сам Добрыня, не указавший себя автором повести в силу выказанной им еще в тексте «Путешествия» скромности характера — отличительной черты многих русских средневековых авторов [11: с. 9]. Право на жизнь подобной гипотезы, по замечанию советского исследователя Н. А. Мещерского, впоследствии аргументировалось преимущественно текстуальной корреляцией «Путешествия» Антония с повестью и совпадением ряда трансляций византизмов в текстах источников: так, в обоих текстах ипподром на русский лад назван «подрумьем», Влахернский дворец — «Лахерной», а константинопольский форум — «Конным торгом» [7: с. 3/122]. Однако достаточных оснований утверждать об авторстве повести Антонием по сходству отдельных фрагментов текста его «Путешествия» с ее текстом нет, в особенности учитывая, что в двух текстах есть и очевидные несовпадения в трансляции византизмов: например, «патриарх» [1: с. 57] и «патриарс» [9: с. 3/68] или «Конъстятяи» [1: с. 43] и «Костяньтинъ» [9: с. 1/66] соответственно. В связи с этим наиболее часто принято указывать новгородское происхождение «Повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году», имея в виду анонимного автора из Новгорода — очевидца описываемых событий [7: с. 3/122]. Объективной аргументацией в пользу новгородского происхождения повести служит владение ее автором знаниями о современных ему персоналиях не только

византийской, но и западноевропейской истории. Им названы по титулу «Цесарь нѣмечьскый», «маркосъ от Рима, въ градѣ Бърне», «кондофъ Офланьдръ» и «дужь слепый от Маркова острова Венедикъ», то есть — германский император Филипп Швабский, маркграф Бонифаций Монферратский, граф Балдуин IX Фландрский и венецианский дож Энрико Дандоло [9: с. 1/66]; [9: с. 7/72]. Упоминание последнего, дожа Венеции, как «дужа острова Венедикъ», согласно точке зрения П. М. Бицилли, делает теоретически возможным допущение происхождения повести с Юга Руси: созвучно с «Венедикъ» название Венеции в южнорусских источниках — Веденецкая земля [2: с. 4/59]. Опровержение этому допущению, вместе с тем, дал тот же Бицилли: решающим обоснованием новгородского происхождения сочинения исследователю представлялось его отложение в списках Новгородской летописи [2: с. 1/56]. Исходя из подобной гипотезы Бицилли, в ее развитие, возможно предположить, что автор «Повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» был в Константинополе не в качестве паломника, а в качестве некоего международного репрезентанта своего государства. Тогда начальную строку повести — «Въ лѣто 6712» (или 1204 г.) — следует воспринимать не как дату всех событий похода, как она виделась ее автору (в чем Н. А. Мещерский находил объяснения казавшимся ему в ней хронологическим неточностям описания [7: с. 10–11/129–130]), а как дату написания самой повести. В противном случае едва ли этот новгородец мог бы владеть сведениями о прибытии потерявшего в результате заговора статус наследника престола беглого византийского царевича Алексея ко двору немецкого императора Филиппа и договоренности последнего с папой Иннокентием III об отправке крестоносцев именно в Константинополь для восстановления Алексея на престоле [9: с. 1/66]. Данные сведения свидетельствуют, что автору повести, вероятно, было известно об изначально ином мотиве путешествия крестоносцев — походе на Святую землю: именно такой мотив указывают два хрониста — непосредственных участника крестового предприятия — Робер де Клари и Жоффруа де Виллардуэн [10: с. 8]; [3: с. 8]. Виллардуэн, бывший одним из лиц, активно задействованных в дипломатической подготовке четвертого крестового похода [4: с. 3/131], и вовсе указывает «официальной» целью путешествия отвоевание Иерусалима для христианского мира у сарацин, придавая ему тем самым априорное намерение Священной войны [3: с. 8]. Тем не менее автор повести не указывает в ней это намерение: означает ли это, что он с позиции высокой православной духовности не считает поход ни в коей мере «священным»?

«Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» начинается новгородским автором с описания династической ситуации в Византийской империи [9: с. 1/66]. Любопытный фрагмент текста, очевидно, демонстрирующий его отношение к междоусобицам в борьбе за император-

ский престол между братьями Исааком и Алексеем Ангелами, — это фраза в отношении Исаака и его сына, царевича Алексея: «...прияста избѣщение съ сыномъ, яко не помыслити на царство, испущень бысть ис твърди и хожашеть въ своей воли» [9: с. 1/66]. Наиболее распространенный вариант перевода этой фразы — «и поклялся ему вместе с сыном, что не помыслят они о царстве, и выпущен был сын из темницы, и стал жить на свободе» [9: с. 1/66]. Однако фраза «хожашеть в своей воли» может означать и другое — проявление своеволия или мысль о нем. В таком случае изначальный контекст повести новгородца может восприниматься как признание им законной власти императора Алексея III Ангела-Комнина и осуждение его племянника, царевича Алексея, как виновника прихода крестоносцев на Константинополь. Тогда представление о возможном «священном» контексте похода 1204 г. в повести отпадает по определению: поход, с точки зрения новгородца, носил характер урегулирования династической распри в империи. Однако такая оценка контекста освещения событий автором не оправдана в связи с его же упоминанием послания крестоносцам папы римского Иннокентия III: «нѣ воевати на Цесарьградъ, нѣ якоже рече Исаковиць: “Всь град Костянтинъ хотять моего царства“, — такоже посадыче его на прѣстолю, пойдете же къ Иерусалиму, въ помочь; не въехотять ли его, а ведете й опять къ мнѣ, а пакости не дейте Грѣчьской земли» [9: с. 1/66]. Позиция папского престола, таким образом, преподнесена новгородцем весьма определенно: Константинополь не должен быть взят крестоносцами — он не является целью их похода. Восстановление же в империи династического баланса — опять же, интерес папского престола, для крестоносцев, скорее, сопутствующий их основной цели. В этом отношении новгородский автор проявляет истинно православный морализм в своем описании папской политики: тем самым он также выказывает известный скептицизм новгородцев в отношении к папству в тот период, связанный с их несогласием с проектом папского патронажа над Новгородом после взятия крестоносцами Константинополя [7: с. 1/120]. В своем отношении к папе автор обозначает неприятие притязаний понтификата на господство над Византией: ему видится однозначным, что перевесивший над христианской моралью папский абсолютизм — один из ключевых факторов, задавших походу константинопольский вектор. В действительности этот вектор возник в результате весьма тонкого хитросплетения обстоятельств. Так, в повести не фигурирует сюжет, описанный двумя участниками похода — Клари и Виллардуэном: взятие крестоносцами хорватского Задара — бывшего владения Венеции — на пути в Святую землю в уплату республике Св. Марка за суженные суда [10: с. 14]; [3: с. 22–24]. Собственно, уже на этом этапе похода — возникшей в угоду венецианцам установки захватывать христианский город, противоречившей папскому наказу и грозившей анафемами, — взявшие

крест, как свидетельствуют оба хрониста, разделились в своих мнениях, что привело к отъезду из крестоносного войска части рыцарей, направившихся другим путем в Святую землю [10: с. 14]; [3: с. 27–28]. Клари дополняет описание этого раздела войска подробной историей о личном мотиве, а именно — желании мести византийцам за гибель брата, одного из лидеров похода — Бонифация Монферратского — двигаться на Константинополь вместе с венецианцами [9: с. 26–30]. Любопытно, что мотив мести Византии фигурирует в объяснении направленности похода и в новгородской повести, но — в отношении не маркиза, а венецианского дожа Энрико Дандоло [9: с. 7/72]. Однако Виллардуэн в оправдание клятвopеступлению взявших крест тут же приводит свидетельство о папском отлучении от грехов для захвативших Задар рыцарей [3: с. 23]. По мнению известного отечественного специалиста по истории крестоносного движения М. А. Заборова, в этом свидетельстве хрониста проявляется стремление описать всю цепь событий похода как череду случайностей, в которых «истинными» воинами Христовыми оказались те, кто шли «прямой дорогой» за предводителями войска и взяли Константинополь, тогда как покинувшие их искатели Святой земли — трусы и отступники [4: с. 38/166]. Оправдание же Виллардуэном лицемерия понтифика — характеристика его априорного единства со средой «...тех, кто по призыву Иннокентия III ринулся на Восток завоевывать себе под знаменем религии поместья и сокровища и кто в конце концов захватил и разграбил византийскую столицу» [4: с. 19/147]. Исходя из предположения ряда исследователей о том, что новгородский автор «Повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» был очевидцем описанных им событий, происходивших в византийской столице [7: с. 2–3/121–122]; [11: с. 9]; [2: с. 2/57], логично поставить вопрос: а не мог ли он знать всю предысторию появления взявших крест в Константинополе, в том числе — эпизод с захватом христианского города и влияние на последующий курс рыцарей Бонифация Монферратского? В этой связи весьма характерна приписка, приводящаяся в повести в отношении Вероны — родного города маркиза: «...идеже бе жиль поганый злый Дедрикъ» [9: с. 7/72], указывающая на общность происхождения Бонифация с варварским королем — язычником Теодорихом. В отношении других лидеров крестоносного войска — графа Фландрии и дожа Венеции — подобных аналогий не приводится [9: с. 7/72]. Возможно, это пример рефлексивной параллели новгородского автора на тему войн Руси с язычниками: византийцы как будто бы столкнулись с тем же. Но более вероятно, эта аналогия содержит в себе намек на отождествление преступления Бонифация Монферратского с язычеством. Уподобившись язычнику, лидер похода «перевернул» его суть: из «священной войны», какой она должна была быть, война превратилась в банальную и грабительскую. Разграбление соборов

и монастырей — центральный сюжет в передаче новгородцем событий 12 апреля 1204 г., когда крестоносцами был взят Константинополь [9: с. 5/70]; [9: с. 7/72]. Военная сторона случившегося, выдвигаемая на первый план крестовыми хронистами [10: с. 53—58]; [3: с. 59—64], его интересует намного меньше: само взятие города описано одним предложением [9: с. 5/70]. Завершение же повести таково: «И тако погыбе царство богахранимаго Костянтинаграда и земля Гречьская въ свадѣ цесаревъ, еюже обладають фрязи» [9: с. 7/72]. Д. С. Лихачёв рассматривал его как призыв к русским князьям не повторить судьбу Византии [6: с. 2/6]. Другой возможной аргументацией может быть как вновь персональное обвинение новгородцем царевича Алексея, так и следование им канонам византийского историописания, предполагавшим завершение хроники каким-либо ключевым, в понимании хрониста, фактом [12: с. 60]. Если новгородец следовал византийскому историческому стилю, это объясняет и анонимность его повести: византийские хроники, как правило, были безличны [12: с. 47].

Подводя итог исследования, можно заключить: в анонимной русской «Повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году» приводится авторская оценка событий четвертого крестового похода, не просто далекая от традиционных оценок в русле «священной войны», но и прямо им противоположная. Вместе с тем ответственность за преступный характер похода не возлагается в ней лишь на его предводителей. Анонимный автор склонен в равной степени обосновывать трагедию Константинополя династическими распрями в Византийской империи, политикой папского абсолютизма и алчностью рыцарского нобилитета. Именно эта оценка событий войны за Константинополь 1204 г. делает русскую повесть историком, уникальным по своей концепции.

Литература

1. *Антоний Новгородский*. Книга паломникъ. С Богомъ починаемъ сказание мьсть святыхъ во Царьградъ / Путешествіе новгородскаго архієпископа Антонія въ Царьградъ въ концъ 12-го столтія. Съ предисловіемъ и примъчаниями Павла Савваитова. СПб.: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1872. 200 с. С. 65—184.
2. *Бицилли П. М.* Новгородское сказание о IV-м крестовом походе, статья. 5 с. / Исторические известия: № 3/4. М., 1916. 301 с. С. 56—60.
3. *Жоффруа де Виллардуэн*. Завоевание Константинополя / Перевод, статья и комментарии М. А. Заборова. М.: Наука, 1993. 304 с. С. 5—127.
4. *Заборов М. А.* «Завоевание Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна и историческая мысль Средневековья, статья. 90 с. / Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Перевод, статья и комментарии М. А. Заборова. М.: Наука, 1993. 304 с. С. 128—217.

5. *Замалеев А. Ф., Овчинникова Е. А.* Еретики и ортодоксы: Очерки древнерусской духовности. Л.: Лениздат, 1991. 207 с.
6. *Лихачёв Д. С.* Литература трагического века в истории России, статья. 24 с. / Библиотека литературы Древней Руси. Том 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. 530 [2] с. С. 5–28.
7. *Мещерский Н. А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году, статья, 16 с. / Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Том 10. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 507 с. С. 120–135.
8. *Пиккио Р.* История древнерусской литературы. М.: Кругъ, 2002. 352 с.
9. Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году / Подготовка текста, пер. с др.-рус. и комментарии О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Том 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. 530 [2] с. С. 66–73.
10. *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя / перевод, статья и комментарии М. А. Заборова. М.: Наука, 1986. 176 с. С. 5–80.
11. *Савваитов П.* Путешествіе новгородскаго архіепіскопа Антонія въ Царьградъ въ концъ 12-го столѣтія, статья. 12 с. / Путешествіе новгородскаго архіепіскопа Антонія въ Царьградъ въ концъ 12-го столѣтія. Съ предисловіемъ и примъчаніями Павла Савваитова. СПб.: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1872. 200 с. С. 1–12.
12. *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Византийская литература эпохи расцвета. IX–XV вв. М.: Наука, 1978. 288 с.